

Онтология Бергсона: жизнь по ту сторону символов

Анастасия Зиневиц

Институт философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины
(Киев)

Вопрос о не-тождественности обозначаемого сущего и имени впервые был поставлен в диалоге Платона «Софист». Бергсон предлагает решение этого вопроса, различая два способа помыслить мир: символически и интуитивно, не-символически.

По Бергсону:

а) Символ (знак, слово) есть лишь перевод реальности на язык. Имея дело с символом, мы имеем дело с копией вместо оригинала. Символ «бытие» есть лишь указание на то огромное и невыразимое, что мы именуем бытием. Символ «человек» есть обобщение, предполагающее некоторый набор «общих» признаков, которые позволяют нам причислить некоторые существа к роду человеческому (и отличить их от рода «животные» или «растения»). Но он не способен передать то оригинальное, уникальное – что присуще каждому конкретному человеку. Когда мы выделяем такие наиболее общие признаки как «теплое» и «холодное» (по Анаксагору) или «одушевленное» и «неодушевленное» и распределяем сущее между этими полярными категориями – кажется, тут трудно ошибиться, и мы достигаем соответствия символа с оригиналом. Но и тут мы сводим некий феномен к выделенному признаку, который есть внешний признак, данный нам чувственно. И ничего не говорящий нам о внутреннем содержании, или сути феномена.

б) Символическое мышление есть мышление «извне». Символ есть обозначение некоего внешнего признака. Этот признак либо служит обобщению феномена, путем сравнения с группой сходных феноменов, либо различению. То же и с человеческой личностью: «Символы ...сообщают о ней только то, что есть у нее общего с другими» [Бергсон 1999, с. 1174], но не ее внутреннюю сущность.

с) Символическое или пространственное мышление способно описывать феномен только изолируя его из непрерывного жизненного потока, длящегося во времени. Оно мыслит феномен статично – как он дан в сиюминутном «тут и теперь», вне контекста его прошлого и будущего.

d) Для постижения внутренней сути феномена существует особое мышление, обходящееся без символов - интуитивное мышление, схватывающее феномен изнутри. Только такое мышление способно схватить феномен в процессе становления. За миром эмпирически данных разрозненных явлений интуитивное мышление открывает мир как жизненный поток. А за всеми манифестациями личности – человека в единстве прошлого-настоящего-будущего – интуитивно схватывая тот будущий образ, к которому человек устремлен в своем жизненном порыве.

e) Сказанное применимо не только к органическому миру, но и к миру культуры. Казалось бы, о таком феномене, как роман, написанном на языке символов, – возможно мыслить символически. Но и здесь требуется симпатическое «слияние» с героем, дабы схватить его целостный образ в единстве его проявлений. Сущность здесь понимается как исток всех проявлений, чувств и поступков.

Говоря про «онтологию», мы уже предполагаем некий «логос», способный помыслить бытие. Как видим, у Бергсона речь идет не о чувственном постижении, а именно о логосе, называемом им сверхчувственным и супраинтеллектуальным (отличном от рационального *cogito*). Он вовсе не призывает вернуться в «дорефлексивное» состояние. Напротив, он продолжает Паскалеву традицию различения «геометрического разума» и «разума сердца». Потом эту традицию продолжают экзистенциальные, бергсонистски ориентированные философы: Е. Минковский и Г. Марсель. Минковский – говоря о «поэтическом» и «пространственном» мышлении, которое, будучи гипертрофировано, перерастает в «болезненную рациональность», подавляющую всякое переживание и способность изменяться. Марсель – говоря о вторичной рефлексии, восстанавливающей целостность, распавшуюся в первичной, аналитической рефлексии. Но и у Сартра, гуссерлиански ориентированного экзистенциалиста, мы найдем предшествующее рациональному «нететическое *cogito*», непосредственно сознающее экзистенцию.

Артикулируя словами некоторый феномен жизни, пытаясь описать бытие, философу все время нужно иметь в виду, что символ (знак, слово) есть лишь перевод реальности на язык, некое указание, намек на невыразимое до конца внутреннее содержание феномена. И все время заботиться о том, чтобы «сопоставлять идеи с реальностью» (Ш. Пеги) [цит. по Жильсон 1995, с. 96], о которой

идет речь. Это послужило поводом для Стружевского назвать метафизику Бергсона «несимволической» [см. Стружевський 2014]. Потому не язык есть «дом бытия», но само Бытие есть дом для говорящего – всегда находясь по ту сторону слов и символов, ибо оно есть Тайна [см. Marcel 1968]. И только полагая Бытие прежде языка, мы можем выработать некую культуру говорения о нем, культурный код, создающий такой контекст, в котором символы метафорически передают стоящее за ними содержание.

Литература:

- 1) Бергсон А. Введение в метафизику // Творческая эволюция. Материя и память. – Мн.: Харвест, 1999.
- 2) Жильсон Э. Случай Бергсона // Философ и теология. – М.: Гнозис, 1995.
- 3) Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр. – М.: Республика, 2000.
- 4) Стружевський В. Онтологія / Владислав Стружевський. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА; Інститут релігійних наук св. Томи Аквінського, 2014.
- 5) Marcel G. Etre et Avoir. I, II. – Paris: Aubier, Editions Montaigne, 1968.
- 6) Minkowski E. Au-delà du rationalisme morbide. – Paris: L'Harmattan, 2000.
- 7) Minkowski E. Vers une cosmologie. – Paris: Petite Bibliothèque Payot, 1999.

Межі мови – межі світу? Лінгвістична філософія: від криги позитивізму до реального світу буденної мови

Олена Іваницька

Львівський національний університет імені Івана Франка
(Львів)

Лінгвістична філософія або філософія буденної мови – напрямок аналітичної філософії, заснований представниками Британської школи (П. Стросон, Г. Райл, Дж. Остін та ін.) зокрема на